

Корпус кондиционера был разобран, конструкция внутри была полностью разрушена. Отрубленные руки находилась в железном ящике, снаружи обмотанном черной фланелью.

Судмедэксперт подтвердил, что отрубленные руки принадлежали Ша Чунь.

Отпечатков пальцев на железном ящике не было, но трасологическая экспертиза обнаружила набор отпечатков пальцев после тщательного изучения корпуса кондиционера.

И этот набор отпечатков можно сравнить с отпечатками Юй Сяочэна.

Юй Сяочэн был настолько потрясен, что задрожал:

— Я никого не убивал! Я этого не делал!

— Но почему твои отпечатки пальцев появились на шкафу кондиционера в здании искусств? — Минг Шу ответил: — Это еще не все, комнату 219 на 2-м этаже давно не посещали, сцена почти идеально сохранилась, а на пыльном полу остались твои следы.

— Но ведь это действительно не я убил Ша Чунь!

Выражение лица Юй Сяочэна несколько отличалось от прежнего, когда он вообще отказывался сотрудничать, но теперь он, казалось, говорил: "Пожалуйста, поверьте мне".

Минг Шу переменял позу:

— Я спрашивал тебя, где ты был и что делал между 23 и 24 августа, но ты мне не сказал. Я также спрашивал тебя, почему ты и Ша Чунь встречались возле здания искусств 14 августа, но ты так же ничего не объяснил. На тот момент у нас не было никаких вещественных доказательств, и если ты ничего не расскажешь, то мы ничего бы и не смогли доказать.

Но после того, как он это сказал, Минг Шу вдруг сурово произнес:

— Но теперь появилась ключевая улика. Юй Сяочэн, в полдень 23-го числа ты покинул Девятую школу без причины, просто чтобы встретиться с Ша Чунь в Ассоциации исполнительских искусств!

— Нет! — Юй Сяочэн зарычал: — Ша Чунь хотела, чтобы я помог ей, но я не помог! Она хочет умереть, а я нет! Ей уже за тридцать, и она считает, что попытки — это самое бесполезное дело, но я все еще хочу попробовать, я еще не достиг своего предела!

Фан Юаньхан резко вздохнул:

— Ша Чунь "уговаривала" тебя, но ты не согласился?

Юй Сяочэн энергично кивнул головой:

— Я не сказал ей "да", у меня еще есть будущее, я не верю в ее слова!

Фан Юаньхан рявкнул:

— Тогда почему у тебя отрубленные руки Ша Чунь? И почему ты спрятал их в корпусе кондиционера?

— Я... я... — Юй Сяочэн выглядел встревоженным, и слова, выдавливаемые из его горла, становились все более неорганизованными: — Я не знаю, это был убийца, который положил эту штуку у моей двери.

— Убийца? Ты и есть убийца! — Фан Юаньхан сказал: — Почему убийца сделал это? Почему ты не вызвал полицию? Вместо этого ты спрятал отрубленные руки в своей школе! Разве в этом есть смысл?

Минг Шу уставился на Юй Сяочэна и поднял руку, чтобы прервать Фан Юаньхана:

— Сходи покурить.

— Учитель? — Фан Юаньхан был озадачен, — Почему?

— Не будь таким взволнованным. — сказал Минг Шу: — Посмотри, ты так накричал на нашего подозреваемого, что он не может говорить.

Фан Юаньхан сказал:

— Этого не должно быть...

Минг Шу говорил с Фан Юаньханом, но он не отводил взгляда от лица Юй Сяочэна:

— Он сказал, что Ша Чунь "уговаривала" его, и теперь, независимо от того, убийца он или нет, я хочу услышать, как Ша Чунь это делала.

Юй Сяочэн поднял голову и в изумлении уставился на Минг Шу.

Дверь в комнату для допросов закрылась, оставив только Минг Шу и сотрудника, который

записывал допрос, напротив Юй Сяочэна.

Минг Шу поднял подбородок в сторону Юй Сяочэна:

— Давай поговорим об том, какие отношения между тобой и Ша Чунь.

Вероятно, из-за эффекта от слов Минг Шу, Юй Сяочэн некоторое время молчал, его губы неоднократно поджимались, прежде чем он наконец заговорил:

— На вступительных экзаменах в университет в этом году я думал, что сдал все хорошо и смогу поступить в Пекинский университет политических наук и права. В своей старой классной группе я видел, как все говорили, что студенты престижных столичных университетов разносторонне развиты и имеют не только хорошие оценки. Я не хотел остаться позади, поэтому хотел потратить лето на то, чтобы чему-то научиться.

— Так это совпадение, что ты выбрал гучжэн?

— Я изучал искусство и уже тогда заинтересовался традиционной культурой.

Холодный пот Юй Сяочэна стекал по его шее капля за каплей.

— Я проучился в старшей школе четыре года, никогда не занимаясь ничем, не связанным с учебой, и оказался за бортом быстротечного мира. У меня была лишь смутная идея — научиться играть на каком-то народном инструменте, но я не знал, куда пойти, чтобы научиться этому. Когда я был ребенком, кружки или дополнительные курсы всегда раздавали свои листовки возле школ и торговых центров. Я пошел на площадь Дунсянь и собрал несколько листовок, не смог отличить хорошие от плохих, но увидел, что "Цзяньцзя Байлу" находится недалеко от места, где я живу, так что я пошел туда.

Чем больше Юй Сяочэн говорил, тем тише становился его голос, как будто у него не было воздуха, и Минг Шу напомнил ему:

— Говори громче.

— А? О. — Юй Сяочэн нервно выпрямил спину: — У меня были свободными только летние каникулы, поэтому я хотел найти лучшего учителя, неважно, какой инструмент, но я не хотел впустую потратить свое время. Они порекомендовали мне Ша Чунь, сказав, что она профессиональный учитель гучжэн, лучший в "Цзяньцзя Байлу".

Минг Шу спросил:

— Кто такие "они"?

— А, это "она", а не "они", я просто привык так говорить. — Юй Сяочэн уточнил: — Это администратор.

Минг Шу вспомнил, что это была Ву Тун, глупая красотка-секретарша, которую он встретил в первый раз, когда пришел в "Цзяньцзя Байлу".

— Ша Чунь действительно очень хороша. После того, как она узнала, что я был второкурсником в Девятой школе, она много расспрашивала меня о моей учебе. — сказал Юй Сяочэн: — Я не знал, что она планировала в то время, поэтому я отвечал на все ее вопросы.

Минг Шу сказал:

— Значит, она постепенно поняла, что ты очень много работаешь.

Юй Сяочэн несколько раз кивнул головой:

— Она во многом мне помогла, и я благодарен ей за это. Но после того, как стали известны результаты вступительных экзаменов в колледж, она...

Когда он говорил это, Юй Сяочэн, казалось, испытывал сильнейшую боль, его лицо зарылось в ладони, плечи и спина заметно дрожали.

Сотрудник, который записывал допрос посмотрел на Минг Шу, который не издал ни звука.

— Мой балл не позволяет поступить в Пекинский университет политических наук и права, если я заполню заявку в вуз похуже, конечно, я смогу поступить, но я остался на второй год, что бы поступить именно в Пекинский университет политических наук и права, нет было никакого смысла оставаться на второй год, если я поступлю в другой вуз. — Юй Сяочэн сказал: — Я не хочу этого делать.

Минг Шу уже давно знал результат — Юй Сяочэн все еще подал документы в Пекинский университет политических наук и права, хотя знал, что не сможет поступить, и в итоге ожидаемо провалился.

— Значит, именно тогда Ша Чунь рассказала тебе свои планы? — спросил Минг Шу, — Ты все еще помнишь ваш разговор?

Юй Сяочэн ответил не слишком уверенно:

— Тогда я был в глубокой депрессии, с одной стороны, я решил остаться еще на один год в школе, с другой стороны, я не знал, что буду делать, если все же снова провалюсь. Ша Чунь... она нанесла мне очень сильный удар.

— Как именно?

— Она рассказала о своей жизни за последние тридцать лет, и я обнаружил, обнаружил... — Юй Сяочэн, как утопающий, быстро вдохнул: — Что ее прошлый опыт слишком похож на мой нынешний.

Мать Ша Чунь говорила, что Ша Чунь с детства очень много работала, но поскольку она не была умной, ей не хватало таланта или озарения, ее оценки всегда болтались на среднем уровне.

— Ша Чунь сказала мне, что люди с таким скудным природным талантом, как у нас, зря стараются, и чем больше мы старались, тем больше понимали, что мы не ровня другим, и что если мы не будем стараться, то сможем утешить себя словами "я просто ленивый, а не глупый".

Юй Сяочэн сдавленно сказал:

— Она сказала, что мы просто глупые! Она также сказала, что теперь, когда я еще не вышел в общество, я не знаю, насколько это общество презирает трудолюбивых, но посредственных людей. Людей с талантом, которые много работают, другие хвалят за то, что "они умны и так много работают, что заслуживают успеха", в то время как людей без таланта, которые много работают, высмеивают как "люди без таланта используют тяжелый труд только для того, чтобы обрести свое существование"!

— Он... — Фан Юаньхань не был в комнате для допросов, но через экран монитора он также мог почувствовать вспышку отчаяния Юй Сяочэна и нахмурился: — Почему от его слов мне так не по себе?

Улики в здании искусств обнаружил Чжоу Юань, который в этот момент тоже смотрел на монитор наблюдения. Он шепотом сказал:

— А я понимаю его, потому что я тоже тот, у кого мало таланта, но я очень, очень много работаю.

Юй Сяочэн продолжил:

— Ша Чунь сказала, что понимает меня и увидеть меня — это как увидеть свое прошлое, что она боролась столько лет и чем больше она боролась, тем отчаяннее становилась, и что я буду таким же, как она... Она сказала, что мы, обычные люди, больше не должны тратить свои усилия впустую, чем больше мы стараемся, тем больше мы становимся посмешищем в глазах других.

Юй Сяочэн поднял лицо, чтобы не дать слезам вытечь из глаз, и его голос показался слегка задыхающимся:

— Она спросила меня, почему другие люди могут легко поступить в лучшие столичные университеты, а я учился два года в старшей школе и не смог поступить даже в Пекинский университет политических наук и права? Что еще я мог сказать, кроме как признать, что я был посредственностью?

— Итак, она спрашивает тебя: хочешь ли ты избежать посредственности? Хочешь, чтобы тебя заметили? Хочешь ли ты освободиться от этого безнадежного отчаяния? — Взгляд Минг Шу был острым, как лезвие: — Когда твои усилия становятся посмешищем для других, лучше решительно все закончить.

Юй Сяочэн удивленно посмотрел на Минг Шу, адамово яблоко на его горле несколько раз перекатилось.

Минг Шу сказал:

— Это то, что она тебе сказала?

Через несколько минут Юй Сяочэн ответил:

— Это было что-то вроде этого, она сказала, что люди вроде нас должны объединиться и помогать друг другу против мира, который полон злобы к "посредственным труженикам".

— Объединится? — спросил Минг Шу, — Ты знаешь с кем она еще объединилась?

Юй Сяочэн кивнул:

— Ша Чунь хотела, чтобы я помог ей умереть, так же как она помогла своему "другу".

Фан Юаньхань взволнованно сказал:

— Вот оно!

Минг Шу спросил:

— Какому "другу"?

Юй Сяочэн снова опустил голову и замолчал.

— Ты столько уже рассказал, есть ли необходимость скрывать это?

Юй Сяочэн поспешно сказал:

— Я, я не пытаюсь скрывать, но я действительно не знаю, кто этот человек на самом деле. Ша Чунь только сказала мне, что этот человек, как и мы оба, тяжело работал полжизни, и только в сорок лет он наконец понял, что трудолюбие — позор для тех, кто старается, но не может достичь мечты.

Минг Шу повторил слов в слово:

— Трудолюбие — позор для тех, кто старается, но не может достичь мечты.

Трудолюбие должно быть правильным отношением к жизни, а усердие — ценным качеством.

Но в случае с Ву Чжэнем, Ша Чунь и Юй Сяочэном усилия превратились в позор.

Юй Сяочэн покачал головой с горькой улыбкой:

— Ша Чунь сказала, что я еще не вошел в общество, поэтому я не понимаю злобы и презрения общества к таким людям, как мы, но на самом деле, как я могу не понимать? Я был принят в Девятую школу как один из десяти учеников с лучшими оценками в округе, я был довольно самодоволен в то время, но первый же экзамен выбил меня из колеи, я получил худшие оценки в классе... Я понял, что класс был полон лучших учеников, я, один из десятка лучших в округе, не был ничем выдающимся по сравнению с ними.

— Поэтому после экзаменов ты отказался от всех остальных занятий и погрузился в учебу, — сказал Минг Шу: — Ты почти откололся от группы.

— Я ничего не мог с этим поделать. — Юй Сяочэн неудержимо покачал головой: — Я также хотел пойти поиграть в футбол и баскетбол, я также хотел пойти в интернет-кафе по выходным, чтобы поиграть в игры, я также хотел соревноваться за класс в групповых занятиях — парни, которые боролись за эти награды, всегда были окружены множеством учениц. Но я не могу, если я не буду тратить все свое время на учебу, я окажусь на самом дне, правда, поверьте мне.

Минг Шу вздохнул:

— Я верю.

Выражение лица Юй Сяочэна становилось все более болезненным:

— Я могу поддерживать свои оценки на среднем уровне, только если буду усердно работать до предела. Но те, кто умнее меня, встречаются с девушками, участвуют в спортивных играх и спят на уроках, но могут попасть в двадцатку лучших в своем классе. Я действительно...

завидую им.

У стоящего рядом с экраном Чжоу Юаня руки неосознанно сжались в кулаки.

— Мой учитель окольными путями рассказал мне, что учеба — это еще не все за три года обучения в школе и что я должен еще участвовать в соответствующих мероприятиях; мои одноклассники прозвали меня "Прилежный Чэн", потому что, помимо сна, я постоянно занимался — даже когда я ем, я практикую английский на слух. — Юй Сяочэн сказал: — Я знаю, что все они меня презирают, а те, кто советует мне расслабиться, просто не знают, что как только я это сделаю, то окажусь на самом дне.

Фан Юаньхан заметил реакцию Чжоу Юаня:

— Эй, что с тобой? Его слова тебя задел?

Чжоу Юаня слегка покраснел, осознав, что потерял самообладание, и поспешно покачал головой:

— Ты тоже слышал, как Юй Сяочэн сказал это, и тебя это нисколько не задело?

Фан Юаньхан на мгновение задумался:

— Немного грустно, но это все.

Чжоу Юань прижал руку к виску:

— У тебя и у него нет общего опыта и переживаний, поэтому ты не можешь сопереживать ему, а я могу.

Фан Юаньхан пробормотал про себя:

— Значит, они легко могут влиять друг на друга.

— Я чувствую их злобу. — Юй Сяочэн опустил голову и сказал: — Они презирали мои усилия, особенно когда появлялись результаты ежемесячных экзаменов, я часто слышал, как люди говорили — Юй Сяочэн не справился так хорошо, как все остальные, кто так усердно работал на экзаменах. Таких людей, как мы, могут понять только "родственные души". Человек, которого убила Ша Чунь, был сценаристом, каким именно, я не знаю, у меня нет времени смотреть драмы.

— Она даже сказала тебе это.

— Пыталась доказать мне, что выхода действительно не будет, если я буду и дальше настаивать, я полагаю. — Юй Сяочэн был подавлен: — Но, но... я все еще не хочу сдаваться!

— Ты отказал ей?

— Я не мог этого сделать, она сказала мне убить ее, а потом рассказать о нашей боли следующему человеку и попросить его помочь мне покончить с этим, но я все еще хочу жить!

— Тогда Ша Чунь приходила в Девятую школу чтобы убедить тебя передумать?

— Да. Я не хотел, чтобы кто-то видел нас вместе, поэтому договорился с ней встретиться возле здания искусств. — сказал Юй Сяочэн: — В тот раз я совершенно ясно дал ей понять, что не собираюсь участвовать в этом, мне нужно готовиться к вступительным экзаменам в университет, поэтому, пожалуйста, пусть она перестанет меня беспокоить.

Минг Шу молчал полминуты и вдруг сказал:

— Невозможно.

Юй Сяочэн удивился:

— Что?

— Ша Чунь даже рассказала тебе об убийстве сценариста, так как же она могла так легко отпустить тебя? Вы уже в одной лодке, она рассказала тебе о сценаристе не для того, чтобы еще больше убедить тебя, а для того, чтобы ты больше никогда не смог выйти из лодки. У тебя нет другого выбора, кроме как помочь Ша Чунь!

Юй Сяочэн открыл рот, и его зрачки быстро сузились.

Минг Шу сурово спросил его:

— Где ты был в ночь на 23 августа?

После короткого периода неподвижности Юй Сяочэн почти распластался на столе для допросов, уткнувшись в свои руки.

Вскоре между его руками раздался тусклый голос:

— Ша Чунь сказала, что я должен хотя бы оказать ей услугу. Тогда я еще не знал, что именно она хотела...

— Что за услуга?

— Она сказала, что нашла человека, готового ей помочь, и что скоро она будет свободна. — сказал Юй Сяочэн: — Она любит свои руки, поэтому хочет оставить их в самом чистом месте в своем сердце.

— В самом чистом месте? — спросил Минг Шу, — В школе?

— Ну, я могу только помочь ей, у меня осталось меньше года до того, как снова придется сдавать вступительные экзамены в университет, и я не хочу, чтобы меня снова беспокоили. Она согласилась, что больше не будет меня беспокоить, если я ей пообещаю.

Фан Юаньхань сердито сказал:

— Ложь!

— 23-го числа я встретил Ша Чунь в театре Цзяннань, она собиралась освободиться и сказала, что хочет встретиться со мной. Она вдруг стала очень нежной, похлопала меня по плечу и сказала, что я должен попробовать, если хочу, но обязательно должен выполнить ее последнее желание. Я смотрел, как она садится в машину, и чувствовал себя таким растерянным, я не хотел идти домой, не хотел учиться, я вспомнил своих одноклассников, которые играли в игры, когда наступали выходные, и мне вдруг захотелось попробовать, каково это — играть в игры.

Минг Шу сказал:

— Так ты пошел в интернет-кафе? В какое?

— Я не могу вспомнить название, где-то недалеко от Девятой школы.

— Чтобы выйти в Интернет в интернет-кафе, нужно использовать удостоверение личности. Но в системе вообще нет записей о твоём доступе в Интернет.

Юй Сяочэн неловко отвел глаза:

— Я не смею использовать свою ID-карту, это слишком близко к школе. Босс сказал, что я могу использовать его карту, если заплачу на пять юаней больше.

— Ты не расплатился телефоном?

— У меня случайно оказалась мелочь.

Согласно признанию Юй Сяочэна, он просто бесцельно бродил по всему пути от театра Цзяннань до Девятой школы. На полпути съел барбекю в придорожном ларьке и пошел на берег реки, чтобы выпустить пар и выпить вина, а потом играл в интернет-кафе с ночи до полудня следующего дня. По дороге домой он купил пачку сигарет за десять юаней в магазине и, вернувшись проспал до вечера. Его разбудил стук в дверь. Когда он открыл дверь, там никого не было, а на полу лежал пакет.

Внутри пакета лежали окровавленные отрубленные руки.

— Рассказ Юй Сяочэна действительно неубедителен, абсурден и странен, сначала кажется, что он выдуман, но... — Минг Шу развалился на диване в кабинете заместителя директора, его поза была крайне непринужденной. — Но... черт меня побери!

Сяо Юань посмотрел на него:

— Но кроме всей абсурдности ситуации, ты не смог найти никакого слабого места.

Минг Шу сразу же ответил:

— С того момента, как Юй Сяочэн начал рассказывать историю своего знакомства с Ша Чунь, я чувствовал, что он лжет, но с начала и до конца я не нашел никакой очевидной лжи. Некоторые люди ведут себя странно, когда нервничают, но в этом нет ничего противозаконного.

— Следствие установило, что в 3 часа ночи 24-го числа Юй Сяочэн вошел в интернет-кафе Шаньсюэ. — сказал Сяо Юань: — Время было выбрано очень неудачно, Юй Сяочэн мог бы поспешить вернуться в Девятую школу сразу после совершения преступления, времени было достаточно. Но у Юй Сяочэна не было транспорта, и он мог только взять такси, чтобы вернуться в Девятую школу из Ассоциации исполнительских искусств, но поймать случайное такси в том районе ранним утром почти невозможно.

Минг Шу обнял подушку:

— Это можно проверить с помощью дорожного мониторинга.

— Если Юй Сяочэн не солгал, значит, убийца — кто-то другой. — сказал Сяо Юань: — Ша Чунь не смогла "убедить" Юй Сяочэна, поэтому он обратился к другому человеку, чьи мотивы были очень нечистыми.

Минг Шу крепче сжал подушку:

— Ни у кого из них нет чистых мотивов.

— Нет, Ву Чжэнь не был чист, но он не подставлял никого намеренно, последний блокнот Ву Чжэня был в комнате Ша Чунь, не может быть, чтобы кто-то тихонько спрятал его там, не так ли? — Сяо Юань сказал: — Но прежде чем Ша Чунь "покончила с собой", она убедилась, что Юй Сяочэн обещал помочь спрятать ее руки. Что это за желание?

Минг Шу подумал об этом, еще допрашивая Юй Сяочэна:

— Юй Сяочэн знает секрет Ша Чунь, а Ша Чунь хочет быть спокойной, так что... неправильно!

Сяо Юань кивнул:

— Вот в чем проблема, верно. Ша Чунь попросила Юй Сяочэна пообещать, что он спрячет руки после ее смерти. Ее беспокойство связано с тем, что Юй Сяочэн знает ее секрет, и она боится, что однажды Юй Сяочэн разоблачит ее. Но после ее смерти есть ли необходимость беспокоиться об этом? В этой детали есть противоречие причины и следствия.

— Значит, эта просьба должна была исходить не от Ша Чунь, а от того, кто убил ее? — Минг Шу стукнул по подушке: — Он попросил Ша Чунь угрожать Юй Сяочэну, который был занят вступительными экзаменами в университет и не хотел попасть в неприятности, и потому ему пришлось согласиться. Таким образом, улики будут указывать только на Юй Сяочэна, и полиции будет трудно выяснить его причастность?

— Такую возможность нельзя исключать. — сказал Сяо Юань: — Таким образом, домино действительно застряло, потому что этот человек не такой, как Ша Чунь или Ву Чжэнь, у него совершенно другие намерения.

Трагедия отчаявшихся убивать по одному человеку и повторять трагедию снова и снова — это идеал, существующий только в теории. На самом деле неизвестных бесчисленное множество, и это редкий случай, когда Ву Чжэнь сумел передать эстафету Ша Чунь.

— Это больше соответствует реальности.

— Но если мы посмотрим только на вещественные доказательства, вероятность того, что убийца — Юй Сяочэн, по-прежнему составляет 90 процентов. — Сяо Юань взял в руки зазвонивший мобильный телефон и сказал перед тем, как ответить на звонок: — В конце концов, в его "историю" трудно поверить.

<http://bllate.org/book/14859/1321926>